



Автор:

Ивахненко Дарья Александровна

9 класс

Руководитель:

Реут Оксана Владимировна

учитель русского языка и литературы,

руководитель кружка «Основы журналистики»

Муниципальное общеобразовательное учреждение

Средняя общеобразовательная школа № 11 города Ейска

Краснодарский край, г. Ейск, п. Краснофлотский

КРЕСТ СУДЬБЫ

Война...и все сказано одним словом. Хотя для кого-то это просто слово!! Каждый воспринимает его по-своему. Для нынешнего поколения война – головокружительное оправдание для спецэффектов в фильме или компьютерной игре на военную тему, но для того, кто соприкоснулся с войной по-настоящему (не на картинках, а на деле) – это слезы. А сколько боли, страха, потерь, испытаний принесла она. Одни говорят: «Хочешь мира, готовься к войне!». Но кто захочет такой мир, облитый кровью и морем слез!??

Война – это смерть, забирающая друга на твоих глазах, это смерть, смеющаяся тебе в лицо, уводя за руку младшего братишку или больную, прикованную к постели, мать... Война - это покалеченная душа детей... Ведь никто и не задумывается, что станет с ребенком!! Война приносит много горя юным жителям нашей планеты, ведь они остаются сиротами, растут в нужде и голодают, не могут учиться и веселиться. Их детство заканчивается очень быстро, и они не виноваты, что потом вырастают суровыми и жесткими



людьми, потому что война навсегда оставляет след в их мыслях и душах. А глаза ребенка!! Кто сможет посмотреть в них и сказать «улыбнись»!? А если он спросит, где его отец? Вы ответите??

В 1941 году война началась неожиданно. Никто не знал, не ждал ее. Она пришла, как не прошенный гость, и засиделась. Кто мог знать, что придется жить в страхе 1814 дней... Видеть смерть, ощущать ее на своих руках... Люди умирали на полях боя, в госпиталях, на проселочных дорогах, в теплушках поездов вовремя эвакуации, в собственных домах и на улицах во время бомбежек. Солдаты шли в бой, хоть и тряслись коленки, болело раненое плечо, но пути назад не было... Вы спросите: «Было ли им страшно?» Да...было... «За кого они умирали?» за Родину...за друзей... за нас с вами, еще не рожденных потомков...«Как глупо»,- скажите вы. Они промолчат...И вам станет совестно... Ветеранов все меньше и меньше, они плачут не оттого, что им больно, а оттого, что уже никогда не увидят тех, кому жить и жить....

Зачем такие пространные рассуждения о войне, спросите вы, мои неведомые читатели. О войне так много написано, так много сказано, подумаете вы, откладывая очередное письмо в сторону. Нет, мой неведомый читатель! Остановись! О войне говорить нужно всегда... Она, мой неведомый читатель, и стала главным героем моего письма, вершителем судьбы моей семьи...

Несколько лет назад к нам пришло письмо... Обычный конверт, подписанный корявым почерком... А в нем рисунок... Рисунок на кусочке обоев: солнце, море, девочка и мальчик... да, да... всего лишь детский рисунок... А на обратной стороне надпись: «Помни обо мне...»

Тогда мы ничего не могли понять, нам было неизвестно, откуда и от кого могло прийти это письмецо. Но что-то подсказывало нам сохранить



его, и я бережно вставила его в рамку и повесила на стену, осознавая, что кому-то нужна моя память.

Через год маму вызвали к нотариусу по поводу завещания, вручили ей большой конверт и назвали фамилию умершего – Рудик Иван. Уже дома мама вспомнила своего бывшего свекра от первого брака и вскрыла конверт.

«Здравствуй малыш! Ты была совсем маленькой, когда я жил рядом с вами. Надеюсь, это послание найдет тебя... Когда-то я смотрел в твои темно-карие глаза и видел самого близкого человека. Сейчас ты уже, наверно, большая и сможешь понять меня».

Мама подняла глаза и посмотрела на меня... Она протянула мне листок и сказала: «Это тебе...от человека, который любил тебя больше жизни...»

Я взяла листки, исписанные корявым почерком, и попала в кровавые и угарные дни войны...

«Я был маленьким мальчиком, когда началась война. Отец ушел на фронт, и я остался один со своей маленькой сестрой и мамой. Вскоре умерла сестра, так как родилась очень слабенькой. Мама сильно болела, так как ей приходилось много работать.

Наш город оккупировали. Это продолжалось почти шесть месяцев. Это были ужасные дни. Голод, издевательства, взрыв мин, стрельба из автоматов, аресты, расстрелы жителей, грабеж, поджигание жилых домов – немцы хозяйничали в Ейске, не стесняясь, чувствуя себя победителями. Лечение в больницах стало платным. У нас не хватало денег даже на малое, жизненно необходимое. Начались еврейские погромы, спрятаться от которых было просто невозможно, так как помогали фашистам местные полицаи. В один



из серых дней, среди ночи забрали и маму, которая предчувствуя беду, отправила меня в ту ночь к тетке на окраину города.

Утром я от соседей узнал, что ее вытащили за длинную черную косу и бросили в грузовик к таким же, как и она, почему-то проклятым людям. Соседка причитала и говорила, что мать до последнего цеплялась за землю и плетень...

Вот так я и остался один, тогда меня и отвели в детский дом Крайсобеса. В то время там на общих условиях жили и дети, больные костным туберкулезом и параличом. Меня определили в комнату, где лежали два мальчика.

За окном было страшно, но и в здании находиться было опасно. В любой момент могла упасть бомба. Но здесь меня кормили, давали постель, заботились обо мне насколько это возможно в такую лихую эпоху. Я очень подружился со своими соседями по комнате. Оказалось, что этих детей эвакуировали в Ейск из Симферопольского детского дома. Я не мог с ними играть, но мы рассказывали друг другу разные истории и прочитанные когда-то книжки. Мне было жаль их, я сочувствовал им. Как это ужасно, когда твое детство протекает лежа на постели!! Я всячески помогал нянечкам, приносил лекарства, мыл полы и ухаживал за маленькими ребятами. Мне было больно смотреть на их тонкие ручки, держащие кукол и открытки родного города. Но что я мог сделать, когда я сам был двенадцатилетним ребенком??

Нахман очень любил рассказывать сказки, которые сам придумывал. А мой второй сосед, Ниссан, писал стихи. В этом же детдоме лежала его младшая двоюродная сестра Ада. Эта девочка нравилась мне больше всех. Она не могла вставать с постели, но пыталась улыбаться и радоваться. Я часто



прибегал к ней вечером и делился своими впечатлениями, рассказывал, что делал во дворе или видел из окна. Ада учила рисовать меня, а однажды она подарила мне картинку, нарисованную на обрывке обоев, где нарисовала солнце, море, себя и меня. Я очень полюбил ее, особенно улыбку. Каждое утро я забегал и помогал ей кушать, а вечером, заходил укладывать ее спать, видел, как она протягивала ко мне свои тонкие ручки, чтобы я рассказал ей сказку. Ада была очень больна... Иногда я плакал, когда смотрел на нее, но ей не нравилось, когда кто-то испытывал к ней жалость. Но это не мешало нам дружить, она прощала все. Когда я спрашивал ее о родителях, то она молча отворачивалась и начинала плакать. Ей было тяжело говорить, и я обнимал ее, а Ада, положив голову мне на грудь, мизинцем вытирала слезинки и улыбалась.. Наверно, улыбалась ангелам на небесах, которые дарили ей силы жить и уметь быть терпеливой....

И вот настало то злосчастное утро. Если бы я знал, смог бы я, смотря в глаза Ады и других ребят сказать, что им грозит смерть??? Смог бы я??? В такие минуты человек не всегда способен мыслить реалистически, мы готовы поверить в ложь. Как мне быть, что мне надо делать?? Я не знал...А если бы знал, то кто бы мне поверил, я же ребенок?? В тот октябрь было холодно, еды не хватало, и нянечки делились с больными малышами своими кусочками хлеба и картошкой, лекарства заканчивались, белые халаты медсестер давно изорвали на бинты.

Я зашел к Аде, она лежала еле дыша. Румянец сошел с ее впалых, и без того бледных, как стены, щек; глаза пустые, я больше не видел того огня, который горел в них; пальцы холодели. Нянечка Маша говорила, что Ада умирает, но ни она, ни я не могли ей это сказать. Я не мог, хотя видел, как она



мучается молча. Ни один крик не срывался с ее похолодевших губ, и ее часто бросало в дрожь. Она как-то сказала мне: «Я скоро умру, я знаю это. Мои глаза видят только черно-белые картинки, и лишь ты, виден мне в свете...» Я плакал, но ничего не мог сказать. Я терял ее, она была последним человеком, которым я дорожил. Если она покинет меня, с кем я останусь??

После обеда я ушел с Машей за водой...Зачем я пошел?? неужели вода была так мне необходима, неужели она дороже мне, чем эти дети и Ада?? Я чувствовал, что что-то произойдет, мое сердце билось и болело. Когда мы набрали воду и возвращались обратно, я нарвал букет дубков. Мы уже подходили, как вдруг я услышал шум работающего двигателя грузовой машины. Что это может быть?? Лекарства привезли?? Я рванулся вперед, но Маша удержала меня за руку. Мы спрятались за соседним домом и наблюдали, как немцы, отстранив персонал, начали погрузку детей в машины. Немцы говорили, что везут больных в Краснодар для лечения, и дети радовались такой новости. Они залазили в машины, держа кукол, игрушки, фотографии, опираясь на костылики. И тут я увидел Аду. Ее на руках выносил Ниссан. Она кричала мое имя и плакала. Я хотел броситься к ней, но Маша крепко прижала меня к земле и закрыла своей ладошкой мой рот. Мне пришлось смотреть в щель забора, как Ада вырывалась из рук брата, крича мое имя, зовя меня. Когда всех детей погрузили в машины, двери закрылись, и машины тронулись. И опять тот же вопрос, если бы я знал, чтобы я смог сделать?? Мне было больно осознавать, что я больше не увижу улыбку Ады, не увижу ее. А вдруг в машине ей станет плохо? Вдруг она не переживет наше с ней расставание? Когда машины свернула за угол, Маша отпустила меня, а я бросился бежать за грохочущей крытой странной машиной. Маша кричала, но я не оборачивался. Лучше быть убитым, чем расстаться с Адой. Пошел дождь, я не знал, куда идти и вернулся обратно. Я не мог спать всю ночь: перед моими глазами стояла Ада. Она улыбалась, протягивая ко мне руки и зовя за собой.



На следующий день машина опять приехала. Я и еще несколько ребят спрятались, а всех оставшихся забрали. Я думал, что эта машина может привести меня к Аде, и когда она тронулась, я побежал за ней, прячась за деревьями, кустам, разбитыми от бомбежек домами. (Ейск ведь бомбили нещадно: Гитлер хотел сровнять с землей «гнездо сталинских соколят»)

Машина заехала на улицу Буденного, где погрузили лежащих малышей. Мне было больно смотреть, как детей грузили в машину, словно котят, которые ничего не могут сделать, но я молчал и терпел, покусывая свои губы. Машина тронулась и поехала не спеша, как будто торопиться некуда, как будто выполнила свою черное дело..

Я все бежал и бежал за машиной. Ветер бил в лицо, слезы текли по щекам. Я не чувствовал ног, словно летел. Что-то несло меня к Аде. Но что это могло быть?? Я падал, но вставал и бежал снова и снова...К вечеру я сбился с дороги, но, увидев машину, возвращающуюся в город, я понял, куда мне бежать. Когда я добрался до Широчанского хутора, то увидел свежо перекопанную землю. Что здесь было?? Я упал на мокрую землю и стал рыть ее руками. Мое тело дрожало, неужели...??? И тут мне попала кукла...Неужели Аду и всех тех несчастных детей сбросили в эту яму и закопали живьем??? Я упал грудью на землю, мое тело изворачивалось от боли...Как они могли?? Это же дети...ни в чем не повинные дети?? Я кричал, голова раскалывалась, слезы текли ручьями, я не мог больше рыть...еще один крик боли...и имя Ады сорвалось с моих трясущихся губ...я ее не увижу...я не увижу Ниссана и Нахмана...не увижу их всех...За что?? За что их убили?? За то, что они дети?? или дети евреев?? Тогда почему я жив?? Чем я отличаюсь от них?? Они тоже люди и имеют право на жизнь, тогда почему я жив, а они в



земле?? Крик боли, страха и ужаса... мои глаза болели от слез, я попытался перевернуться и начал опять рыть... но руки не слушались.

Я лежал, тело болело, и только одинокие крики... крики рвались к темному небу... боль... страх... боль потери... утрата...

Прошло несколько дней, а я продолжал лежать на яме... тогда мой разум вспомнил, что я бежал долго и мучительно, что провел много часов без еды и воды... память воскрешала и прятала глубоко во мне все те воспоминания об Аде, об ее улыбке... она... она... как тяжело сказать это слово, но она УМЕРЛА... а у меня ничего нет о ней... рисунок, тот рисунок на обоях, что она рисовала мне... где же он?? Да вот же... дрожащими пальцами я достал его из кармана и прижал к сердцу.

Прошло уже 60 лет, а я до сих пор помню, как возвращался в город по пустынной дороге. Я еще вижу лица тех ребят и ее лицо, лицо Ады...»

По моему лицу текли слезы, мой неведомый читатель, от боли, с которой я соприкоснулась, от тоски, которая сдавливала мое сердце.

Я перевернула последний листок, весь закапанный, очевидно, слезами, отчего буквы расплзлись в разные стороны, и прочитала последнюю фразу:

« Помни обо мне, девочка! Ты так была похожа на Аду! Помни о нас...»

В тот вечер мне мама рассказала об Иване Рудике, о том, как он любил со мной играть, о том, как относился ко мне как к настоящей внучке, хотя мой отец и не был ему сыном. Я спросила, где он сейчас, и узнала, что он сгорел в доме престарелых в Копанской. Ему суждено было погибнуть еще тогда, в 1942 году, но это случилось 21 марта 2007 года.



Но и теперь, когда прошло уже 5 лет, я каждый вечер смотрю на рисунок, который так и висит на моей стене... Рисунок на кусочке обоев, который не смог уничтожить даже огонь: солнце, море, девочка и мальчик.

ЗАДУМАЙСЯ, мой неведомый читатель... Помни!! Живи настоящим, но не забывай о прошлом, не забывай о тех, кого опалила война, сожгла на невиданных кострах, простирая свои страшные костлявые руки даже через десятилетия....